

Юрий Поляков как-то сказал, что писатель, имеющий поэтический опыт, всегда выделяется среди собратьев по перу: он пишет словами, а не абзацами. Именно словами, а не абзацами написаны критические и публицистические статьи, книги Александра Ивановича Казинцева. Поэтический след в текстах автора очевиден. Так, уже в предисловии к политической хронике «Возвращение масс» звучит голос поэта: «Шум времени до сих пор различим на ее страницах» [7, с. 3]. Первые же строки повествования завораживают яркими, мощными образами: «Магнетически притягивающая пустота посреди площади. Слева – толпа. Она пульсирует, выбрасывает людские потоки в стороны, втягивает их, высылает смельчаков в пустую зону перед собой и грозно гомонит, смыкаясь за ними. Справа – ровные, будто по линейке вычерченные, ряды в униформе мышинного цвета. Кружатся блестящие, неправдоподобно большие, как у космонавтов, шлемы, дубинки мерно рокочут, ударяясь о пластиковые щиты» [7, с. 7].

Поэтическое начало политического писателя отметил и академик РАН Роберт Нигматулин, назвавший «Возвращение масс» «публицистической поэмой». В том числе благодаря жанровому сплаву публицистика Казинцева обретает «соус вечности», глубину, объем, воздух...

Недавно Александр Иванович признался: «Для меня поэзия – ориентир публицистики» [4]. Но более масштабно Казинцев выразился в 2014 году: «Поэзия – это жизнь. Человеческая жизнь во всем ее объеме – с событийной канвой, страстями, внутренней логикой и стержнем, определяющим “осанку”, существо личности» [8, с. 48].

По словам Александра Ивановича, большинство молодых авторов начинает «жить стихом» в 14–16 лет: «Именно к этому времени человек осознает себя как личность. Он неповторим, другого такого не будет. И тут же к восторгу примешивается горчайшая печаль – осознание одиночества перед лицом мироздания (Ранние стихотворения Казинцева действительно полны печали, грусти, ощущения собственного одиночества перед лицом мироздания. Вот строки некоторых из них: «Сумма наших одиночеств», «Всему приходит свой черед. / Мы это знаем наперед. / Но все радеем, все жалеем, / Надеемся, что повезет». – М. С.) Отсюда обостренный страх смерти, свойственный именно юности. Отсюда и пресловутая эмоциональная нестабильность: качели между бурной радостью и унынием.

Именно тогда приходят любовь и стихи. Древний инстинкт самосохранения подталкивает к продолжению рода. И он же диктует первые строки: человек пытается сохранить себя не только физически – в потомстве, но и духовно» [8, с.48].

Так было и с Казинцевым. Вместе со своим другом Владимиром Полетаевым, студентом Литературного института, они «...жили поэзией. Непрерывно читали стихи – свои, чужие. Бродили по Москве и говорили стихами» (А. Казинцев. Письмо М. Синкевич от 13.07.17). Духовно-мировоззренческая близость молодых людей наиболее четко прослеживается в стихотворениях о тайне мироздания. У В. Полетаева читаем:

*Небо начинается с земли,
с лепета последнего былинки,
с огонька случайного вдали,
с желтых Якиманок и Ордынок.*

.....
Дождь зарядит с самого утра.

Эта осень на дожди щедра.

*Капли расплывутся на стекле —
небо возвращается к земле.*

Небо и земля неразрывно связаны бесконечным круговоротом природы, это два равнозначных крыла бытия лирического героя. Каждая бытовая подробность наполнена вторым — вечным — смыслом.

Ощущение гармоничности и совершенства бытия, взаимосвязи самой маленькой природной «былинки» и человека, страстное желание постигнуть тайны мироздания характерны и для поэзии Казинцева. Мир лирического героя в стихотворении «Сила земли» (1976) простирается в две бесконечности: «глубину» неба и «глубину» земли. Обе бесконечности магнетически притягивают героя: «И теплые фонтанчики песка / из-под ноздрей вздымались. Муравьи / цепочкою ползли через дорогу...». И в этой максимальной приближенности к земле он слышит тишину, которая стоит в облаках, слышит, как стучит его сердце.

В другом эпизоде взгляд лирического героя устремляется по «медному стволу» вверх. И тогда он начинает сливаться с сосной. Происходит естественная диффузия мира человека и мира природы:

*Я ощутил, что становлюсь корою,
спина к земле как будто приросла,
и кровь моя мешается с сосновой,
и по стволу, по тайным цепким жилам,
стремительно восходит к синева.*

Неразрывная связь неба и земли передается через образ сосны как бесконечной прямой: корни ее уходят в глубину почвы, макушка тонет в таинственном «надоблачном мире». И традиционное «возвышается», «поднимается» трансформируется в мире лирического героя Казинцева в «сосны опускались», крона «вращалась в небо». Физические законы теряют

в мире Казинцева смысл: чем ближе к земле — тем ближе к небу. В моменты, когда эти законы мироздания открываются лирическому герою, время на Земле останавливается, персонажи замирают, и только лирический герой парит в свободном полете. У него появляется возможность внимательно рассмотреть каждую деталь картины под названием «Жизнь»: капитана, который замер, «рта не закрывши», деревья, песок, муравьев, облака и даже собственное «опустевшее тело».

Землю лирический герой чувствует всем своим существом, каждой клеточкой тела, сердцем, кожей. Сосна — это проекция человека в окружающий мир, в мир большой, в бытие. Сосна пьет соки земли и ими питает «солнечную синева» неба. Тело, наполненное силой земли, дает возможность душе устремиться ввысь. Отдаваясь этому влечению, сливаясь с почвой, герой получает свободу бесконечного мира (в отличие от мира, в котором он чувствовал себя, как скот в загоне: на обед их «гонят», валяются в песок, в кухню не пустили, «Отвели // в загон какой-то около забора»):

*Так вот оно, могучее движение,
тот первозданный творческий покой!*

Такое самобытное созвучие получили полетаевские мотивы в лирике Казинцева. В письме к автору этой статьи Александр Иванович поведал о своем друге следующее: «Настоящая фамилия Володи — Гершензон. Его отец был доктором наук, занимался, кажется, метеорологией, а заодно историей нашего района. Еврейская семья с хорошими традициями. <...>

Полетаева — мама Володи. Из рода саратовских купцов. От евреев у Володи была начитанность поистине феноменальная. Он знал классическую русскую поэзию, поэзию западную, восточную, современную отечественную. Собственно, он приобщил меня к поэзии. Открыл ее подлинный объем. От поволжской родни была в нем своеобразная лихость. Он невысоко ставил свои литературные знания и любил в поэзии живое начало, вплоть до дворового песенного. Думаю, его самоубийство отчасти объяс-

няется этой “бунтующей” традицией, жившей в его крови. <...>

От меня смерть Володи скрывали. Еще бы – он тогда был для меня буквально всем! Сказать пафосно – всем миром» (А. Казинцев. Письмо М. Синкевич от 13.07.17).

О двух других своих самых близких друзьях Александре Сопровском и Михаиле Лукичеве Казинцев также всегда вспоминает с постоянным трепетным чувством и болью. В этом же письме Александр Иванович сообщает: «Потом к нам присоединился мой школьный друг Саша Сопровский. Тоже еврей – Саша Магергут, сын шахматного судьи международной категории и очаровательной мамы, мастера спорта по шахматам. От нее-то Саша и взял польскую фамилию Сопровский. В наших скитаниях по Москве принимал участие и Володин друг Миша Лукичев. Тонкий художник-аквалерист и знаток истории. Позднее он стал директором архива древних актов, вся история России до XVIII века была в его ведении. В кабинете стоял древний ларец с грамотами государей московских. Его директорство пришлось на 90-е годы. Огромное здание архива нуждалось в ремонте и элементарном отоплении. Не было денег на это, не было денег на зарплаты сотрудникам. Миша умер от разрыва сердца, не дожив до 50 лет. Саша погиб еще раньше – его сбила машина» (А. Казинцев. Письмо М. Синкевич от 13.07.17).

Такова трагическая судьба дружной юношеской компании... Кто знает, быть может, Александр Иванович предчувствовал грядущее одиночество, и именно поэтому так печальны его ранние стихи: «Как дождь, я одинок, я одинок...».

Думаем, дружба Казинцева с В. Полетаевым, А. Сопровским и другими единомышленниками во многом была предопределена литературоцентричным духом семьи Александра Ивановича. Его детство и юность прошли в московской интеллигентской семье, атмосфера которой стала благодатной интеллектуальной и культурной почвой, черноземом для формирования будущего поэта и мыслителя. Родители Александра Ивановича работали в

авиационной промышленности. Но в семье Казинцевых техническое образование гармонично сочеталось с творческим началом: «отец рисовал, а мать всю жизнь писала стихи» [13, с. 85].

Ирина Федоровна, мать Александра, в 1940-е – начале 1950-х посещала знаменитую литературную студию при издательстве «Молодая гвардия». Среди ее завсегдатаев были Семен Гудзенко, Александр Межиров, Наум Коржавин. Увлечение литературой – характерная особенность многих советских людей. В семье же Казинцевых была редкая для того времени библиотека: «несколько тысяч томов: дореволюционные издания Пушкина, Фета, Блока. Советские собрания классиков, книги по искусству, мемуары» [10]. Уже с 10 лет младший Казинцев посещал вместе с отцом научный зал Ленинской библиотеки, в 14 – обходил букинистические магазины в поисках мемуаров. «Я рос среди книг» [10], – скажет через много лет уже состоявшийся писатель.

Закономерно, что Александр Иванович учился именно в историко-литературном классе 710-й школы – школы-лаборатории при Академии педагогических наук: «Нашей преподавательницей была подруга жены Тициана Табидзе – великого грузинского лирика. Она много рассказывала о нем и о дружившем с ним Борисе Пастернаке» [3]. Именно эта учительница познакомила Александра с Владимиром Полетаевым.

Казинцева (всех авторов и сотрудников «Нашего современника», русских патриотов вообще) люди известных взглядов без всяких оснований обвиняют в антисемитизме. Дружба Александра с Полетаевым и Сопровским, те слова, которые написал Казинцев им, живым, и о них, умерших, – слова, наполненные душевно-духовным родством, любовью, восторгом, пронзительной горечью утраты, – одно из опровержений этого мифа.

Дружба молодых людей логично переросла в литературный проект «Московское время». Идея создания неподцензурного издания принадлежит Казинцеву. Название придумал Сопровский. Вот как рассказывает об этом Александр Иванович:

«Эта идея основывалась на традиции французской поэзии, о которой я услышал от руководителя моего диплома, Эдуарда Григорьевича Бабаева (друга Анны Ахматовой). Он рассказал, что во Франции существует обычай: в конце жизни известные поэты составляют антологии поэзии своей эпохи, включая туда произведения своих современников по собственному выбору. После того, как многие авторы издадут такие книги, складывается многосторонняя картина поэзии. Я не без некоторого нахальства (здесь это слово уместно), решил приспособить эту традицию к нашей ситуации: не ждать собственных юбилеев, а немедленно начать издавать сборник. Тогда мы называли его не альманахом, а антологией. Первоначально я предложил, чтобы каждый из нас (Саша, Гандлевский, Кенжеев, Цветков, Полетаева) составлял свой вариант сборника. А потом мы коллективно определяли бы, какие стихи оставить, какие выбросить. Этому воспротивился Леша Цветков, справедливо указав, что не каждый сможет дать точную оценку современной поэзии. В результате все участники сборника предлагали только свои стихи (что, на мой взгляд, сильно обеднило идею: не получалось объемного видения), а мы с Сашей производили отбор» (А. Казинцев. Письмо М. Синкевич от 27.07.17).

Кроме стихов, в антологии печатали критику и рассказы. Тираж: 7 – 10 (иногда 15 – 20) экземпляров. Михаил Лукичев иллюстрировал издание. В течение четырех лет вышло шесть выпусков «Московского времени», в основном со стихами авторов альманаха.

Два Александра очень трепетно относились к своему детищу. Создание альманаха стало даже семейным делом: жена Казинцева Нина печатала на машинке стихи, а его матушка переплетала книжки. Автором антологии и соратником была и жена Сопровского Татьяна Полетаева. Вот как она характеризует отношение мужа к альманаху: «Год назад на поэтическом вечере в Педагогическом университете я услышала от молодых поэтов фразу “легендарное

“Московское время” и вспомнила один наш с Сашей разговор тридцатилетней давности.

– Ты все время занят чужими делами и чужими стихами. – (Речь шла об антологии “Московское время”). – Тебе не жаль своего времени? Ведь ты сам говорил, что ты в первую очередь поэт.

– Антология не чужое дело, – возразил Саша, – я создаю вокруг себя поэтический воздух, без него я не смогу не только писать, но и жить. Мне просто нечем будет дышать.

Теперь-то я понимаю, что тогда он создал нечто большее, чем самиздатский журнал, и даже больше, чем дружеский круг. Он создал воздух и был тем воздухом, из которого родилась легенда» [11].

Действительно, школьные товарищи Александр Казинцев и Александр Сопровский в пору учебы в МГУ стали центром притяжения для многих талантливых людей. В частности, «замечательных», по словам Казинцева, поэтов Алексея Цветкова (1947), Бахыта Кенжеева (1950), Сергея Гандлевского (1952) (Гандлевский и Сопровский учились на филфаке, Казинцев и Цветков – на журфаке, Кенжеев – на химфаке). Александр Иванович с большим теплом вспоминает об этой дружбе как об особом везении: «Особенно плодотворно общение со сверстниками. Это почти как учеба у самого себя. В молодости я часами говорил о стихах с друзьями. Мы так живо обсуждали написанное, что в конце концов трудно было сказать, чьи это мысли, замечания, выводы. То был интенсивнейший творческий обмен. Жаль тех, кто обречен вариться в собственном соку без совета и поддержки друзей! Мне повезло – друзьями юности были Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Александр Сопровский» [2].

Воспоминания Казинцева созвучны воспоминаниям Татьяны Полетаевой: «Я помню, что никогда раньше не слышала одновременно такого количества стихов. Стихи были свои, чужие, серьезные, смешные, написанные тут же сообща или в полемике, по конкретному случаю. Это напоминало дружную коммунальную кухню, где каждый делился с

соседом или брал у него то, что ему нужно, а получалось у каждого свое. Все мерилось стихами, и без них не обходилось ни одно собрание или застолье» [11].

Такая атмосфера не только заражала жаждой поэтического творчества (именно под сильным влиянием Казинцева и Сопровского Гандлевский «в 1971 году пустил петуха в рифму»), но и обеспечивала «высокий темп ученичества» [6].

Поэты регулярно выступали, читали свои стихи перед разными аудиториями. Так, Сопровский в письме к Татьяне Полетаевой сообщает: «В четверг мы выступали в Институте питания. Там оказалась очень равнодушная публика. Нам даже задавали вопросы о поэзии и говорили, что мы должны быть учителями общества» [5]. Это воспоминание передает характерную черту общественной жизни советской России 1960 – 1970-х годов – всеобщее увлечение литературой, особенно поэзией. Сегодня «равнодушную публику» очень сложно собрать даже в стенах вузов, на филологических факультетах, о чем свидетельствует опыт участия в многочисленных конференциях.

Через сорок лет Александр Казинцев, вспоминая о своих друзьях юности, невзирая на разные, мягко говоря, колкости с их стороны, не устает повторять: «Я помню их стихи, я помню их лица – они озарены светом нашей общей юности»; «Я люблю их такими, какими помню. Отказаться от них – все равно что отказаться от собственной памяти» (А. Казинцев. Письмо М. Синкевич от 11.07.17).

О теплой дружбе Сопровского с Казинцевым свидетельствуют и письма первого к жене. Прочитую некоторые из них.

«Вот такие разные дела. Казинцев с Ниной все еще собираются взять меня в конце месяца в Ленинград. Если с деньгами все обойдется – непременно приеду. Будем ходить ночью по всяким каналам» (12.IV.75).

«Усталый я потому, что весьма обширно погулял с Виталием в Москве. Мы обошли почти весь город, во всяком случае центр, видели много-много уют-

ных и официально-неуютных столичных достопримечательностей, смеялись до надорванных животов, дружили с Сашей, Ниной, Мишей, Бахытом, Сережей и всеми остальными...» (16.XII.75).

«Казинцев тебе передает привет. Он очень хочет в Ольгино на новый год, трудности лишь с Ириной Федоровной; но скорее всего – выберется. Как и договаривались, до 15 декабря он даст точный ответ. Еще хотят ехать Миша и Сережа. Они тоже тебе кланяются. Казинцев благодарит ольгинцев за соборования» (2.XII.76).

«Саша отыскал в книжке Лосева (помнишь, мы видели у Лукичева) упоминание работы Павла Флоренского. И разыскал эту работу в Ученых записках Тартуского университета за какой-то из 60-х годов. <...> Я непременно почитаю сам, и ты погляди, если будет время» (17.II.77) [5].

В 1970-е годы Казинцева, Гандлевского и их товарищей объединяло многое. И прежде всего – любовь к литературе, к поэзии, к сочинительству, стремление отточить художественное мастерство.

Другим объединяющим началом стало социальное неприятие действительности, которое чаще всего называют антисоветизмом. Сам Казинцев уже в 2017 году попытался более точно определить общественно-политические взгляды московсковременцев: «Никто из нас против Советов народных депутатов, конечно, не выступал. Антикоммунистический настрой – было бы точнее. Но не намного. Потому что и коммунистическими власти в 80-е годы не были. То была номенклатура – серая, невежественная, тяжеловесная. Вот это не давало нам дышать. Тут уместнее говорить об антирежимности или антисистемности».

Отношение Казинцева к советской действительности выражено в следующей строке стихотворения, написанного уже позднее времени издания антологии, – «Земля моя, моя родная...» (1979): «Глаза опущены и скулы сведены». Стихотворение передает осознание лирическим героем потери великой страны, великой истории:

***Где родина, где купола златые,
концерты, выставки, разбегов кутерьма?***

Советское время характеризуется Казинцевым через детали, символизирующие мертво-бездушную жизнь: «бетон», «стекло», «сапог», «грейдер», «продамага три ступеньки ледяные», «бреховая наука», полупустые аудитории, «профессора со стажем ГПУ», неряшливые прилавки, «свет неживой», «оранжевые окна», давка в мясном отделе, «окрашенная решетка», «бетонные коробки жилья»... Идеологически и цивилизационно мертвая жизнь оборачивается насилием над землей, человеком, Родиной. Лирический герой удивляется: на чем же держится «черная громада» советской власти? Почему она не разрушается?

Казалось бы, ничего живого, родного, русского не осталось, но есть люди, в судьбах которых заключена «живая память земли». Надежда на возрождение страны сохраняется до тех пор, пока эта память жива:

***Но если кровь течет не как руда —
твердея, камня, пламеня,
перегнаны сквозь сердце вместе с нею,
встают в былом величье города.
Тогда над деревцами, колеями,
бетонным коробками жилья
восходят храмы, блещут куполами,
безгласными гудят колоколами,
и это — память, это кровь моя!***

Показательно и более раннее — очень эмоциональное, наполненное негодованием — стихотворение «Ах, как весело ходят выродки» (1977). Советское время для лирического героя — время выродков. Деятели культуры этого времени — «делатели халтуры, прославители грязных дел», «инородцы». Инородцами они являются не по национальности, а по духу: они лишены чувства родной земли.

В мире лирического героя очевидно разделение понятий СССР и Родины. Они совпадают по размеру, но Родина («беспримерная богатая страна») под советами («два вершка бестолковой земли») «рас-

простерта», распята. А советская Москва — снесенный и сожженный город.

В этом стихотворении, как и в других, Казинцев не говорит о Боге и вере напрямую. Библейские мотивы очень тонко, почти незаметно вплетены в ткань повествования. И очевидно главное: авторская позиция — это позиция религиозного, православно-го человека. А в православии считается, что Родина дается человеку Господом. Нелюбовь к ней сродни нелюбви к Богу.

Сегодня «инородцы» отрицают почву, но после смерти они все равно в нее попадут. Как едины душа и тело, так и приход к почве или в почву неизбежен. Вспоминаются слова, традиционно произносимые священниками в церкви: атеисты есть только на земле, на небе все верующие и всем нужен Господь. Только Богу они уже не нужны.

Несмотря на то что Россия измучена, задавлена, она жива. В стихотворении «Ах, как весело ходят выродки» выражена и надежда на возрождение, воскрешение России: «черноземная толща жирна», «соки сохранены» и циркулируют по «древесным артериям», чернозем «думает»... Победа живой жизни над жизнью мертвой неизбежна и близка. «Музыку чернозема» не заглушить. И тогда:

***С этим шумом не будет слада,
этим листьям века шуметь.
Тут особого слуха не надо, надо только
сердце иметь,***

***Чтобы билось в горячем теле
в лад с землей и с кровью в лад.***

В стихотворении «Сказание о Коловрате» (1977) А. Казинцев выражает надежду на появление современного Коловрата, который освободит родную землю от захватчиков, от «иных времен татар и монголов» (Н. Рубцов):

***Должен же кто-то, выхватив меч,
доспехом дивно звеня,
мурзу настичь, до седла рассечь
и сбросить его с коня.***

И, конечно, в этом стихотворении параллель

древней истории с историей советской более чем очевидна. Сколько бы враги ни считали русскую землю своей, Россию побежденной, всегда находились защитники и освободители родной земли:

*Но снова и снова от дальних могил,
с неведомых берегов
отряд Коловрата домой спешил
мечами посечь врагов.
Земля моя мне навек дана
в память родных имен.
А земля врага — это та страна,
в которой истлеет он.*

Предчувствие грядущих перемен по-другому (через восприятие природы) выражено и в стихотворении «Удивительно пахнет дождем...» (1976). Стихотворение передает радость и облегчение: наконец-то пали ледяные оковы с так любимой поэтом Москвы. С приходом весны то, что зимой казалось уже мертвым (земля, деревья, воздух), ожило, задышало:

*А теперь — до роста, до комка
глинозема — все дышит весной,
и течет, как ночная река,
в отраженьях асфальт подо мною.*

С большой долей вероятности можно предположить, что зима в поэзии А. Казинцева символизирует и советское время, которое казалось бесконечным. Советская Москва — «бетонная», «безумный, казенный, любимый город, вырванный из-под льда». Однако весенний пейзаж, наполненный животительной влагой, вселяет надежду на конечность бесконечного советского времени.

Вода в христианстве — символ жизни, рождения и возрождения. Но главное в данном контексте: вода — символ очищения и прощения грехов.

И Москва в стихотворении А. Казинцева словно совершает омовение:

*Все омыто прозрачной водою,
все омыто водой молодою,
властным запахом мокрой земли.*

Подчеркнем: антисоветизм А. И. Казинцева почвеннический. Это антирежимность человека, у кото-

рого отняли память, историю, Бога, традиционную живую русскую жизнь. Подобное чувство испытывали Леонид Бородин, Игорь Шафаревич, Валентин Распутин, Василий Белов, Станислав Куняев... У них, как и у Казинцева, неприятие власти, номенклатуры, повторим, не переходило в неприятие и в ненависть к России, не переходило в русофобию, характерную для диссидентов и коммуно-либералов: А. Янова, А. Синявского, В. Войновича, В. Аксенова, А. Вознесенского и многих других.

Настроение же Казинцева и его друзей-единомышленников передается в одной из самых откровенных и автобиографичных статей автора «Придворные диссиденты и “погибшее поколение”». Она осталась незамеченной практически всеми, кто писал о «Московском времени».

Вот как в частности характеризует свое погибшее поколение Александр Казинцев в 1991 году: «В семидесятые обнаружилось, что у тех, кто рожден в пятидесятые годы, отняли уже и саму возможность выбора литературного пути» [9, с. 171].

Александр Казинцев вслед за Ольгой Седаковой противопоставляет свое «погибшее поколение» «вечно юному» поколению сердитых приспособленцев (Евгению Евтушенко, Андрею Вознесенскому, Василию Аксенову и другим шестидесятникам) и искусству андеграунда. Сравнивая творчество последних с творчеством своего «погибшего поколения», Александр Казинцев утверждает: «Не ирония — лирический пафос, не модернизм — верность идеалам классического искусства. Это были люди больших целей» [9, с. 177].

Антисоветизм «погибшего поколения» на уровне поведенческом, опять же, если отталкиваться от статьи Казинцева, состоял в чтении запрещенной литературы (Н. Бердяева, В. Розанова, Л. Шестова, И. Шафаревича и др.) и в отношении к действительности. О нем говорится следующее: «Встречаясь, мы подбадривали друг друга: “Не забывай, где живешь”». Это незамысловатое приветствие призвано было хоть как-то смягчить удары тотального хамства, на-

чинавшегося, как в театре, по Станиславскому, с вешалки, со входа. Требования к «окружающей среде» были минимальными: не посадили, ну так радуйся. Зато и отторжение среды было полным. Ах, как любили мои сверстники в ответ на очередное начальственное «ты должен» отчеканить: «Я ничего и никому не должен».

В 1991 году Казинцев называет эти настроения, взгляды наивными. И с такой оценкой можно согласиться. Тем же, кто, как Ольга Седакова, делает из «погибшего поколения» сверхстрадательцев, напомним судьбу русских патриотов (В. Осипова, И. Огурцова, Л. Бородина, Е. Вагина и др.), которые за свои взгляды получили реальные – большие и очень большие – лагерные сроки от шести до двадцати лет.

Помимо наивности, у товарищей Казинцева было, видимо, и другое, что явно проявилось уже в феврале 1981 года. Когда Александр Иванович начал работать в «Нашем современнике» (его подвигло к этому желание «послужить Отчизне»), он «потерял почти всех друзей».

Один из них, Сергей Гандлевский, почти через пятнадцать лет после этого в «Трепанации черепа» написал: «А Александр Казинцев теперь профессионально радеет за русский народ, и мне это странно, потому что и раз и другой случалось мне по Сашиной просьбе провожать его с моих дней рождения до метро “Сокольники”: он боялся хулиганов. Остальные мои друзья и знакомые, и я сам никаких специальных чувств к народу не испытываем, но и по улицам ходим без провожатых. А хулиганы, кто же их не боится?» [6].

Выражение С. Гандлевского «профессионально радеет» свидетельствует о том, что он не верит или сомневается в искренности взглядов Казинцева, сотрудника «Нашего современника» – главного журнала русских патриотов. Чувство Гандлевского опирается на неприемлемую для нормального человека, но убедительную для русофобов типичную логику. Русский народ у Гандлевского – «хулиганы», «шпа-

на» (слова из «Трепанации черепа». – М. С.). Неужели о других народах, о своем народе в частности, Гандлевский судит по этой «категории граждан»?

«Недоумение» друзей, их неприятие жизненного выбора Казинцева вылилось в многолетний «бойкот». При наличии достаточного количества исследований творчества авторов «Московского времени», Казинцев – поэт и создатель «Московского времени» – в этих источниках не характеризуется и не называется. Да и сами московсовременцы в своих мемуарах о Казинцеве, как правило, не вспоминают. Например, Татьяна Полетаева говорит о «мушкетерской четверке»: Сопровский, Гандлевский, Кенжеев и Цветков.

Кирилл Анкудинов, по его словам, очень плотно занимался «Московским временем», собирал документы, беседовал с участниками. Он в статье «Сверясь по “Московскому времени”» ведет речь о «великолепной пятерке» (Сопровский, Кенжеев, Цветков, Гандлевский, Казинцев) и подчеркивает, что «один из Александров – Казинцев – напрочь вытеснен нынешними либеральными критиками и литературоведами на периферию пейзажа (что объяснимо: это их идеологический противник; с начала 80-х годов Казинцев – ведущий публицист «русской партии» и журнала «Наш современник»). Что касается Сопровского... его памяти дежурно кланутся» [1].

Однако, обнаружив несправедливость, Анкудинов ее не устраняет. Он с восхищением говорит об Александре Сопровском («Умница, замечательный поэт, глубокий мыслитель, удивительно бесстрашный и порядочный человек. Рыцарь, идеалист, донкихот»), высоко оценивает творчество Сергея Гандлевского («Лирик «бунинского типа») и Бахыта Кенжеева («Фет» «Московского времени»), совсем не понимает и не принимает поэзию Цветкова и ни слова не говорит о Казинцеве. Упомянув о «пятерке», Анкудинов характеризует творчество «четверки», и в итоге оказывается ничем не лучше упоминаемых им «либеральных критиков».

Таким образом, вслед за непосредственными участниками и очевидцами поэтической дружбы поэтов «Московского времени» из их состава вычеркивает Казинцева и определенная часть научного сообщества. Открывая ресурс eLIBRARY.RU, где сегодня все преподаватели, ученые обязаны регистрировать свои разножанровые исследования, мы обнаруживаем тринадцать статей о творчестве Гандлевского, одиннадцать о творчестве Кенжеева, четыре – о Сопровском и одну – о творчестве Казинцева.

О многом свидетельствует и то, как сложились судьбы друзей Казинцева по «Московскому времени». А. Цветков и Б. Кенжеев эмигрировали. Сейчас Цветков, по характеристике Александр Ивановича, «это упертый пропагандист Госдепа. Говорит так, как работник нашего агитпропа в 80-е годы, но, разумеется, с другим знаком». А Гандлевский «стал кумиром молодых еврейских интеллектуалов» (А. Казинцев. Письмо М. Синкевич от 11.07.17).

Итак, Александр Иванович Казинцев прошел путь, характерный для некоторой части русских патриотов второй половины XX века. Он, лично, мировоззренчески, творчески сформировавшись в 1970-е годы в кругу друзей-поэтов «Московского времени», через почвенническую антирежимность, чувство исторической памяти, родины пришел к патриотизму. А главным штабом русских патриотов в это время был журнал «Наш современник». И с тех пор, с 1981 года, Александр Иванович Казинцев служит русскому делу, России как один из самых талантливых критиков, политических писателей современности. ■

Sv%D0%B5ryayasy-po-%C2%ABMoskovskomu-vr%D0%B5m%D0%B5ni%C2%BB9963/.

2. Александр Казинцев. Знакомство с автором // Парус. 2014. № 3. <http://parus.ruspole.info/node/5245>.

3. Александр Казинцев: ИСКУССТВО ПОНИМАТЬ (Беседа Юрия Павлова). <http://lib.anwap.org/read/65573&26>.

4. Александр Казинцев: Поэзия – ориентир публицистики // Крымская правда. 2017. – 5 июля. <http://cpravda.ru/news/2014/07/05/aleksandr-kazincev-poehiya---orientir-publicistiki>.

5. Александр Сопровский: «Я в тебя и в твою любовь верил как в звезды...» // Знамя. 2011. №11. <http://znamlit.ru/publication.php?id=4752>.

6. Гандлевский А. Трепанация черепа. <http://www.vavilon.ru/texts/prim/gandlevsky3.html>.

7. Казинцев А. Возвращение масс. Дневник современника. М., 2010. 688 с.

8. Казинцев А. Один на один с вечностью // Юность. 2015. № 1. С. 48–49.

9. Казинцев А. Придворные диссиденты и “погибшее поколение” // Наш современник. 1991. № 3. С. 171–176.

10. Объединяла русская боль (беседа Валерия Слобнякова с Александром Казинцевым). http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=1338.

11. Полетаева Т. Жили поэты // Знамя. 2013. № 3. <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/3/p14.html>.

12. Полетаева Т. “Поэтому я додержусь до первых порывов Боря...” // Знамя. 2006. № 12. <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/12/so6.html>.

13. Русские пассионарии были всегда (беседа Маргариты Синкевич с заместителем главного редактора журнала «Наш современник» Александром Казинцевым) // Родная Кубань. 2017. №1. С. 80–87.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анкудинов К. Сверьась по «Московскому времени» // Литературная газета. 2009. №35. <http://lgz.ru/article/N35--6239---2009-09-02-/>